

Резепкин А.М.

преподаватель, аспирант кафедры уголовного процесса ОГУ

КТО МОЖЕТ ВЫСТУПИТЬ ЗАЩИТНИКОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящается спорному вопросу в науке уголовного процесса о процессуальном положении защитника-адвоката.

В современных демократических политико-правовых условиях развития уголовно-процессуального законодательства, направленного прежде всего на реализацию конституционных положений РФ, обеспечение состязательности и равноправия сторон (участников) уголовного судопроизводства, вопрос, касающийся процессуального положения защитника, являются более чем актуальными в связи с общей давно назревшей проблемой гуманизации и формированием охранительного типа судопроизводства.

Правовой статус защитника давно вызывал и вызывает востребованный интерес в научной среде процессуалистов, проявляясь в полярности различных точек зрения, свидетельствуя об особой значимости и одновременно неполноценности обеспечения правовыми гарантиями факта участия вышеназванной процессуальной фигуры в качестве равноправной стороны в уголовном судопроизводстве России [1]. Так, М.С. Строгович, обращаясь к защитнику как особому субъекту уголовно-процессуальных правоотношений, считал, что он (защитник) есть представитель обвиняемого, который действует в интересах обвиняемого, представляет на следствии и суде законные интересы обвиняемого и охраняет его права, выступает в процессе по поручению обвиняемого или с его согласия [2]. В свою очередь А.Д. Бойков утверждает, что защитник сочетает полномочия самостоятельного участника уголовного процесса с полномочиями представителя обвиняемого [3]. Весьма интересной по этому поводу представляется позиция В.С. Джатиева, суть которой сводится к тому, что защитника нельзя расценивать как представителя обвиняемого. Поскольку непременным условием представительства является переход к представителю всех прав представляемого, а российский уголовный процесс построен именно на том условии, что обвиняемый лично должен участвовать в нем, то обвиняемый не может всецело заменить себя защитником и действовать через него [4]. В связи с чем вполне обоснованно в настоящее время считать защитника самостоятельным субъектом уголовно-процессуальной деятельности, наделенным

определенными правами и обязанностями, пользуясь которыми, он получает возможность активно участвовать в уголовном судопроизводстве, оказывать своему подзащитному юридическую помощь в охране его прав и законных интересов [5].

Законодательный подход к определению внутренней природы понятия защитника представлен в ч. 1 ст. 49 УПК РФ, где говорится о защитнике как о лице, осуществляющем в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающем им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. По сравнению с УПК РСФСР в УПК РФ повышен уровень обеспеченности прав подозреваемого (ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), а также реализованы требования части первой статьи 48 Конституции РФ о предоставлении каждому гражданину, в том числе имеющему статус свидетеля, права на получение квалифицированной юридической помощи (п. 6 ч. 4 ст. 56 и ч. 4 ст. 189 УПК РФ) [6], что вполне отвечает общепризнанным нормам и принципам международного права, являющимся составной частью правовой системы РФ (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Статья 14 (п. 3d) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. предусматривает, что каждый при рассмотрении предъявленного ему обвинения вправе защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно для него в любом таком случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника. Аналогичное право закреплено в ст. 6 (п. 3с) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Текущее национальное законодательство, чутко реагируя на утвержденные мировые стандарты, претерпело существенные изменения. Между тем действительное положение дел таково, что в новом УПК РФ вопреки утверждениям

его разработчиков о дальнейшей демократизации уголовного процесса свернуты многие демократические институты участия общественности в уголовном судопроизводстве (участие народных заседателей, общественных обвинителей, общественных защитников, общественных поручителей, товарищеских судов, возможность участия в качестве представителей лиц, не являющихся адвокатами, представителей трудовых коллективов и общественных организаций и др.). Современный уголовный процесс становится все более «цеховой» деятельностью, доступной только узкому кругу посвященных в ее таинство лиц (ч. 4 и 5 ст. 47 УПК РСФСР, ч. 1 и 2 ст. 49 УПК РФ) [7]. Подобного рода утверждения заслуживают особого внимания, вместе с тем принципиально важно отметить то, что законодатель в УПК РФ, определяя правовой статус защитника, прежде всего исходил из общей правовой политики государства, а главное – позиции Конституционного Суда РФ [8]. Именно поэтому, как справедливо замечает Н.М. Кипнис, в новом УПК РФ по общему правилу в качестве защитников допускаются адвокаты и лишь по определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены, причем только наряду с адвокатом, один из близких родственников обвиняемого (п. 4 ст. 5 УПК РФ) или иное лицо (п. 3 ст. 5 УПК РФ), о допуске которого ходатайствует обвиняемый. Исключение составляет производство у мирового судьи, где указанное лицо может быть допущено судьей и вместо адвоката (ч. 2 ст. 49 УПК РФ) [9].

Естественно, что участие защитника-адвоката более чем оправдано, ввиду прежде всего особого статуса и уровня профессиональных знаний в области юриспруденции, что согласуется с конституционными установлениями (ст. 48 Конституции РФ и др.) и состязательностью сторон (ст. 15 УПК РФ). Однако нельзя сбрасывать со счетов позитивных порывов законодателя в случаях, когда наряду с адвокатом участвуют один из близких родственников обвиняемого или иное лицо. В подобной ситуации, как нам представляется, наличествует весьма благоприятная атмосфера для осуществления защитительной деятельности. С одной стороны, в качестве гаранта соблюдения конституционных прав и свобод, законных интересов обвиняемого выступает профессионал своего дела, получивший статус адвоката и право на осуществление адвокатской деятельности [10], с другой – близкий родственник или иное лицо.

Именно данная схема взаимодействия позволяет установить тесный психологический контакт и доверительные межличностные отношения между тремя субъектами, выступающими на стороне защиты, выработать единую правовую позицию по конкретному уголовному делу, что в конечном итоге максимально способствует использованию всех не запрещенных законодательством РФ средств защиты. Вместе с тем необходимо помнить о том, что близкий родственник или иное лицо обвиняемого согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ должен быть объективно способным оказывать именно юридическую помощь, хотя закон не требует, чтобы указанные лица обязательно имели официальное юридическое образование. Ввиду чего суд должен убедиться, что вышеобозначенные субъекты достаточно разобрались в юридической стороне данного уголовного дела, чтобы хотя бы с помощью адвоката оказывать своему подзащитному реальную юридическую помощь. Допуск таких лиц не обязанность, а право суда.

Особо следует отметить то, что при производстве у мирового судьи указанные лица допускаются как наряду, так и вместо адвоката, что вызывает у нас неоднозначное мнение, главным образом в силу возможного отсутствия достаточной квалификации. Кроме того, по смыслу ч. 2 ст. 49 УПК РФ допуск близкого родственника или иного лица возможен в деле не раньше, чем дело поступит в суд, иначе говоря, на этапе подготовительных действий судьи к судебному заседанию или же непосредственно на этапе судебного разбирательства. Следовательно, по делу, которое еще не поступило и к производству не принято, судья и суд принять решение о допуске к участию в деле в качестве защитника лица, которое не является адвокатом, думается, не могут. Хотя, по мнению ряда авторов, подобная возможность теоретически согласуется с вопросами развития судебного контроля за предварительным расследованием [11]. Вопрос о возможности вступления указанных лиц в уголовный процесс не только в стадии суда, но и на стадии предварительного расследования весьма дискуссионный. Одни авторы, например В.С. Джатиев, считают, что «близкие родственники и законные представители обвиняемого, а также другие лица должны допускаться в качестве защитника не только по определению суда или постановлению судьи, но и по постановлению дознавателя, следователя, прокурора в стадии предварительного расследования» [12]. Другие, напротив, полагают, что адвокат – единствен-

ная фигура, которая может явиться защитником на предварительном следствии [13]. Г.А. Акатьева выступает против участия иных лиц в качестве защитника на предварительном расследовании. Подобное, по ее мнению, может привести к разглашению тайны предварительного следствия и абсолютной некомпетентности защитника [14].

К участию в уголовном деле не адвокатов следует подходить крайне избирательно и, как мы полагаем, в любых, даже самых перспективных идеях, предлагаемых авторами, недопустимо участие лишь только иных лиц в случаях, предусмотренных п. п. 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ. Предполагаемая активность иных лиц в уголовном судопроизводстве ограничивается тем, что на сегодняшний день адвокат не является равноправной стороной по отношению к обвинению, хотя закон предусматривает обратное (ч. 4 ст. 15 УПК РФ). Тогда что говорить о иных лицах, которых нередко трудно назвать сведущими [15]. Помимо всего прочего, адвокат с момента допуска к участию в уголовном деле в качестве защитника обладает всеми полномочиями защитника (ст. 53 УПК РФ; ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), на которого возложены серьезные гарантийные обязательства [16]. В свою очередь близкий родственник или иное лицо, допущенное в качестве защитника, обладает ограниченными правами, на которого закон не возлагает полноценного круга обязанностей по оказанию эффективной защиты [17]. Да и история законодательства российского свидетельствует о критическом отношении к участию в уголовном деле лиц – не адвокатов. Так, дореволюционное законодательство не предусматривало участие защитника на предварительном следствии; на суде же обвиня-

емый имел право избирать защитника как из присяжных поверенных, так и из других лиц, «коим закон не воспрещает ходатайства по чужим делам» (ст. 565 УУС). Практика сложилась так, что с 1864 г. адвокатской деятельностью занимались присяжные поверенные и ходатаи. Декретом СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. защита все-таки была допущена на предварительное следствие, при этом защитником мог быть любой неопороченный гражданин, пользующийся гражданскими правами, – этим был нанесен удар по царской адвокатуре, особой любви к которой советская власть, как известно, не питала. УПК РСФСР 1922 г. уже не предусматривал участия защитника на предварительном следствии, в суде же, в соответствии со ст. 57 УПК РСФСР 1922 г., могли участвовать как члены коллегии адвокатов, так и близкие родственники подсудимого, уполномоченные представители государственных учреждений и предприятий, а равно представители других профессиональных и общественных организаций. С особого распоряжения судьи допускались к участию в деле в качестве защитников и иные лица. Действующий УПК РФ отчасти воспринял некоторые черты УПК РСФСР 1922 и 1960 гг. относительно данного вопроса [18].

Учитывая все вышеизложенное, выступая при этом за участие в уголовном судопроизводстве адвокатов или в лучшем случае адвокатов и иных лиц, позволим себе отметить, что, несмотря на множество противников участия иных лиц в уголовном деле, активность последних, их гражданская позиция является одним из объективных показателей уровня правовой культуры [19] гражданского общества и поступательного становления правового государства России в целом.

Список использованной литературы:

1. См.: Гуськова А.П. Адвокат, его полномочия в уголовном процессе // Актуальные вопросы судебно-правовой реформы. Сборник научных статей. – Оренбург, 1996. С. 5–23.
2. См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 245.
3. См.: Бойков А.Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. М., 1978. С. 69.
4. См.: Джатиев В.С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе. Орджоникидзе, 1987. С. 11.
5. См.: Кобликов П.Ю., Алиев Т.Т., Громов Н.А., Бабаев Э.Х. О праве обвиняемого на защиту и его реализация в российском уголовном процессе // Следователь. – 2002. – №4. – С. 30–31.
6. См.: Зеленская Е.В. Защита прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве // Следователь. – 2002. – №12. – С. 8.
7. См.: Баранов А.М. Современные проблемы уголовного процесса России и их решение в новом УПК // Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и практика его применения / Под ред. А.П. Гуськовой. – Оренбург: ИПК ОГУ, 2002. – С. 135.
8. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 г. №8–П по делу о проверке конституционности ст. 1 и 21 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина // СЗ РФ. 1996. №15. ст. 1768; Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. №2–П по делу о проверке, о конституционности ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гиттиса и С.В. Абрамова // СЗ РФ. 1997. №7. Ст. 871; Определение Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2002 г. №105–О по запросу Благовещенского городского суда Амурской области о проверке конституционности ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР; См.: Кузьмин Г.А. Кто может выступить защитником в уголовном судопроизводстве (из практики Конституционного Суда РФ) // Закон и право. – 2001. – №4. – С. 50–51.

9. См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юрист, 2003. – С. 133.
10. См.: ч. 1 ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».
11. См.: Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России в вопросах и ответах: Учебное пособие. – М.: Юрист, 2002. – С. 90–91.
12. См.: Джатиев В.С. Общая методология и современные проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Владикавказ, 1995. С. 16.
13. См.: Калюжная В.А. Процессуальные и тактические проблемы участия защитника в следственных действиях. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. С. 6.
14. См.: Акатьева Г.А. Некоторые вопросы, возникающие при участии защитника на предварительном следствии // Юрист. 1998. №9. С. 15.
15. См.: Резепкин А.М. УПК РФ и состязательность в досудебном производстве по уголовному делу. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в действии: Сборник научных статей / Под ред. А.П. Гуськовой. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2003. С. 51–55.
16. См.: ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».
17. См.: ч. 7 ст. 49 УПК РФ и др.
18. См.: Карякин Е.А. Реализация состязательности и осуществление функции защиты на предварительном следствии. Ученые записки: Сборник научных трудов Института государства и права. Вып. 3. Тюмень, 2002. С. 91.
19. См.: Сальников В.П. Правовая культура. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 1997. – С. 571–577.